

Луч света, подобный полуденному солнцу, рассек небесный свод.

Сы Циюань только вышел из Башни Цзыюань и собственными глазами увидел, как его любимая розовая персиковая роща раскололась пополам от этого удара.

В тот же миг лепестки закружились в диком хаосе, и от персиковой рощи осталась лишь половина.

Если бы он стоял чуть иначе и не заслонял собой главный зал Башни Цзыюань, это шестиэтажное здание, украшенное золотом, тоже рассекло бы надвое.

Белый свет уперся Сы Циюаню в межбровье.

Пронзившая саму душу свирепая ци взметнула ввысь все его черные волосы.

Кончики пальцев Сы Циюаня замерли, а взгляд помрачнел.

— Веди своих людей так, чтобы они не попадались мне на глаза. Если кто-нибудь из них сунется сюда, и я замечу на них раны от защитных барьеров запретной зоны, я не стану сдерживаться и прикончу их на месте, — в голосе Фэн Сихэ не было ни капли тепла. Невидимая волна меча вырвалась из-под ее рукава, и Чу Чжунань, едва успевший схватиться за рукоять ножа внутри башни, отлетел назад на добрые два чжана.

Слизав выступившую кровь, он отдал знак и приказал людям из филиала прекратить нападение.

Хозяин башни сейчас мог защитить лишь себя самого — им он помочь не сможет.

Энергия меча хлынула обратно, и главные ворота Башни Цзыюань с грохотом захлопнулись.

Фэн Сихэ взмахнула полой одежды и повернулась, не позволив Сы Циюаню увидеть ее гнев.

Ее роскошные одежды, подобные облакам, и черные, как тушь, волосы колыхались в такт этой бурной ярости.

— Прости, — Сы Циюань высвободился из тисков этой подавляющей силы и произнес эти три слова.

Фэн Сихэ горько усмехнулась:

— Я никогда не считала извинения индульгенцией за преступление.

— В это время года я должен был ждать тебя в Снежной Беседке, пока Ваше Высочество не очнется. Но теперь я заперт здесь и нарушил обещание.

Уже очень давно между ними существовало невысказанное взаимопонимание.

Каждый год в день рождения Фэн Сихэ Сы Циюань приносил ветку персикового дерева и играл на цине в Снежной Беседке.

А на девятый день, когда Фэн Сихэ пробуждалась, она тоже отправлялась в Снежную Беседку и под звуки цина Сы Циюаня ждала рассвета.

Сы Циюань смотрел в спину Фэн Сихэ, и на душе у него делалось тревожно от подступающего холода.

Именно из-за того, что он ночевал в Снежной Беседке в ожидании Фэн Сихэ, Е Ханьянь воспользовался моментом, выдал себя за него и заставил людей из филиала совершить чувственную кражу.

Фэн Сихэ же не дошла до Снежной Беседки, разумеется, потому что была отвлечена делом о краже, устроенной Е Ханьянем.

— Ты думаешь, я пришла сюда из-за столь незначительной мелочи? — голос Фэн Сихэ звучал так, будто доносился с небес, холодный и неприступный, словно заснеженные вершины.

Незначительной?

Сы Циюань считал, что раз они видятся всего раз в год, то это событие важнее всего на свете.

— Я даю тебе шанс объясниться, — холодно произнесла Фэн Сихэ и щелчком отправила в полет лепесток пурпурного персикового цвета.

Пурпурные лепестки кружились по всей округе под сенью цветущих деревьев.

Но тот лепесток, что был в руке у Фэн Сихэ, явно сорвали гораздо раньше.

Например, прошлой ночью.

Сы Циюань хотел отделаться отговоркой вроде «это всё лепестки персика виноваты, что затмили великолепие Вашего Высочества», но слова застряли у него в горле.

Кто же поверит в такую чушь!

В глазах внезапно рябь пошла, и повеяло тонким ароматом.

Фэн Сихэ произнесла:

— Три палочки благовоний — этого хватит? Объясни, почему цветок персика того оттенка, что встречается только в твоей Башне Цзыюань, оказался в Мавзолее Погребенных Звезд.

Три палочки благовоний символизировали почтение к Небесам, Земле и высшей власти. Но Сы Циюань никак не ожидал, что Фэн Сихэ подожжет все три палочки одновременно, да еще и подгонит их своей духовной энергией, из-за чего они сгорели в одно мгновение.

Она отмерила на формальности ровно три палочки благовоний, но правила этой формальности устанавливала она сама.

Поняв, что скрыть правду не удастся, Сы Циюань мысленно выругал Е Ханьяня за его злодейство и медленно произнес:

— Все ловушки и формации в запретной зоне взломали мои люди.

На белоснежных одеждах Фэн Сихэ мелькнула ослепительная вспышка:

— Значит, это не подброшенные улики, и ты действительно замешан в этом деле?

Сы Циюань кивнул:

— Если говорить точнее, это не входило в мои намерения.

— Не входило в намерения, но и помешать ты не попытался? — холод пополз вокруг Фэн Сихэ. Забрав единственное доказательство, она уже проявила снисхождение и покрывала его.

Она надеялась, что у него найдется хорошее объяснение.

Если бы этим делом занялся ее император-отец, Сы Циюань был бы уже трупом.

Сы Циюань вздохнул: он просто физически не успел помешать, как все уже произошло.

— Я думал, что с твоей проницательностью ты не станешь оставлять улики, которые прямо указывают на тебя, — она резко развернулась и с насмешкой посмотрела на Сы Циюаня. — Или же этот оставленный лепесток персика призван бросить вызов императорскому величию?

Каждый раз, глядя на это потрясающее воображение лицо, Сы Циюань не переставал поражаться замыслу небес. Наверное, только человек с таким положением и такой внешностью и должен обладать подобной красотой.

До предела прекрасная, до предела чистая.

На губах Сы Циюаня появилась легкая улыбка:

— Раз Ваше Высочество дала мне время сгореть трем палочкам благовоний, значит, ты веришь, что на самом деле меня подставили и оклеветали, и прекрасно знаешь, что я не стал бы оставлять лепесток, чтобы бросить вызов императорской власти. Ты просто хочешь, чтобы я назвал место, где он прячется. Если я скажу, что и сам не знаю, где он сейчас, поверит ли мне Ваше Высочество?

Фэн Сихэ окинула Сы Циюаня ледяным взглядом:

— Но ты же знаешь, кто он, не так ли?

Улыбка застыла на лице Сы Циюаня:

— Ваше Высочество хочет, чтобы я назвал его?

— Разве ты назовешь?

— Назову.

Взгляд Фэн Сихэ наконец немного потеплел:

— Первый вор Поднебесной?

Сы Циюань не стал отрицать:

— Ваше Высочество слышала о нем?

Фэн Сихэ презрительно бросила:

— Весь этот мир как на ладони. О стольких людях поневоле услышишь.

Стоит ей повернуть руку — вздымаются облака, перевернет — идут дожди.

О таких людях немудрено было слышать.

Сы Циюань лукаво улыбнулся:

— Он мой друг. Но я никогда не знаю о его перемещениях, и каждый раз, когда он появляется в Башне Цзыюань, он приносит с собой лишь кучу хлопот. Например, в этот раз он оставил улику, принадлежащую исключительно Башне Цзыюань, чем, впрочем, помог мне выиграть немного времени.

Фэн Сихэ холодно заметила:

— Никогда бы не подумала, что у тебя настолько низкие стандарты для выбора друзей, раз ты водишься с подобной отребьем.

Сы Циюань замолчал на мгновение:

— Он сказал, что если я не помогу ему, он умрет.

— Если ты поможешь ему, умрешь ты, — взгляд Фэн Сихэ мгновенно оледенел. Кончик листовенного клинка уперся в шею Сы Циюаня — еще чуть-чуть, и брызнет кровь.

Она усмехнулась: — Если даже твое заключение в тюрьму не заставит его объявиться, то отправляйся-ка на плаху как главный вор.

Сы Циюань даже не шелохнулся и лишь вздохнул под угрозой клинка:

— Если он узнает, что меня посадили в тюрьму, то лишь дождется, пока я обращусь в прах, а потом воткнет пару палочек благовоний мне на могилу в знак скорби.

Наверное, много позже Е Ханьянь будет проезжать мимо какого-нибудь крутого склона, случайно заметит могильный холм и подумает: «Ого, да это же хозяин Башни Цзыюань? Когда это он тут помер?». После чего достанет три палочки благовоний, воткнет их в землю и выразит глубокую скорбь: «Счастливого пути, старина».

Каждый раз, представляя себе такую картину, Сы Циюань жалел, что обзавелся таким вредным другом.

— Сы Циюань, запомни: если из-за этого в Поднебесной начнется хаос, я первой заберу твою жизнь.

Клинок из листа срезал прядь черных волос. Фэн Сихэ позвонила им затеряться среди опавших

лепестков и затушила благовония.

— За мной.

Утренний туман поднимался меж цветов, и от легкого дуновения ветерка щека в том месте, где были срезаны волосы, казалась непривычно холодной.

На губах Сы Циюаня медленно расцвела едва заметная улыбка.

Идти за ней — величайшая честь.

*

— Есть у меня талант, что даром не пропадет, хоть тысячу золотых спусти — все вновь придет! Три дня во рту ни крошки, впору в обморок упасть, чую я, какая-то овечка на пути вот-вот попадется на загляденье!

Посреди бесконечного леса проголодавшийся юноша обессиленно лежал у обочины. Мало того, что травинка во рту совершенно не жевалась, так у него даже слюна во рту пересохла.

Он смотрел на чашу и чувствовал, что, кажется, уже почти отдал Богу душу.

Лес состоял из вековых деревьев, чьи ветви переплелись вверху так плотно, что дневной свет почти не проникал сквозь эту зеленую завесу.

На милю вокруг, не считая извилистой старинной тропинки, не было слышно даже пения птиц — стояла пугающая тишина.

Этот странный лес наверняка был проклят, раз он никак не мог отсюда выбраться и голодал так сильно, что живот прилип к спине.

Изнемогший юноша мысленно проклял предков гадалки и этого леса до девятнадцатого колена и уже собирался погрузиться в дремоту, как...

До его слуха донеслось звонкое, похожее на щебетание иволги пение, и юноша широко открыл глаза.

На извилистой тропинке, подпрыгивая, появилась маленькая девочка лет пятнадцати-шестнадцати, одетая в светло-зеленое платье.

То она пинала камушек, то теребила придорожную травичку, то подпрыгивала и напевала

песенку, выглядя невероятно жизнерадостной.

Юноша тут же пришел в себя и внимательно оглядел ее.

Аккуратный наряд — из богатой семьи. Значит, есть деньги.

Возраст юный, телохранителей нет. Значит, легко прикончить.

Типичная избалованная барышня из знатного рода, которая сбежала в поисках цзянху. Выглядит просто и беззащитно — идеальная мишень для вымогательства.

Он тут же вскочил на ноги, преградил девочке дорогу рукой и зажевал во рту травинку так громко, что та затрепала:

— Эту гору я возвел, эти дебри я насадил! Хочешь пройти — плати за проход, а не заплатишь — убью и закапывать не стану!

Девочка рефлекторно отступила на два шага назад и неуверенно спросила:

— Ты что, один?

Увидев, что девочка даже не испугалась до крика, юноша явно остолбенел:

— Я — передовой дозорный, а главный атаман подоспеет следом! Живо выкладывай деньги и провизию за проход, не то убью и закапывать не стану!

— Дома мне все запрещали выходить, я сбежала тайком, — тихонько проговорила девочка. — Когда уходила, торопилась и денег с собой не взяла.

Юноша презрительно фыркнул:

— А еду взяла?

Глаза девочки засияли:

— Конечно! Если бы я ушла одна без еды, то умерла бы с голоду. Кроме еды, у меня еще и дорожные деньги есть...

Сердце юноши дрогнуло. Потирая руки, он перебил ее:

— Доставай всё.

Девочка на мгновение растерялась:

— Но то, что было со мной, я уже съела. Большой братец, серебро — это же деньги? Хочешь, пойдем со мной домой? Там тебе не только серебра дадут, но и сокровищ!

Пойти с ней домой — это же прямо угодить в ловушку! Юноша хоть и был чертовски голоден, но ума не лишился, поэтому тут же принял свирепый вид и рявкнул:

— А ты знаешь, кто я такой?

Казалось, юноша не выглядел таким уж кровожадным, и девочка совсем не испугалась. Покачав головой, она ответила:

— Не знаю.

— Эту гору я возвел... Я же только что сказал, я — разбойник!

Девочка опешила.

— А ты знаешь, чем занимаются разбойники?

Девочка радостно улыбнулась, и на ее щеках проступили две мягкие ямочки:

— Знаю! Старший брат говорил, что разбойники убивают людей, поджигают дома, насилуют, грабят и творят всякие бесчинства. Они — самые-самые плохие злодеи в Поднебесной!

Юноша заорал:

— Так чего же ты стоишь? Живо выкладывай дорожные деньги и сокровища, не то сначала обесчелю, потом убью, а из тебя сделаю вяленое мясо!

Девочка с сомнением посмотрела на него:

— Большой братец, а почему бы тебе сначала не сделать вяленое мясо из себя самого? Тогда ты сможешь есть себя и не умрешь с голоду.

— ... — юноша. — Не отвлекайся от темы, это я тут тебя граблю!

Девочка отряхнула одежду и с досадой произнесла:

— Сам видишь, у меня ничего нет.

— А еда?

— Съела.

— А дорожные деньги?

— Нету.

— А сокровища?

— Тоже нету.

Юноша чуть не подпрыгнул на месте:

— Ты же только что говорила, что взяла с собой и сокровища, и дорожные деньги! Куда всё делось?

— Большой братец, я действительно взяла сокровища и деньги, но они же не на мне, — девочка пнула камешек с невинным видом.

Юноша пришел в ярость:

— Мелкая паршивка смеется надо мной?! В общем, раз ты всё равно одна, если не отдашь все по-хорошему, я тебя убью!

— Я и вправду пришла одна, — девочка весело указала пальцем по обе стороны от тропинки, а ямочки на ее щеках стали еще глубже. — И они тоже пришли одни.

Послышался шорох шагов, и из чащи по обе стороны дорожки внезапно высыпало два десятка людей в черном. Все до единого — рослые, крепкие,двигающиеся стремительно и свирепо уставившиеся на юношу.

Стоило юноше сделать хоть одно движение, как эти двадцать человек наверняка превратили бы его в мясной фарш.

Юноша испугался до полусмерти и мгновенно сник. Как он умудрился не заметить, что рядом

кто-то есть?

Девочка с улыбкой произнесла:

— Мы все пришли по одному, и никак иначе. Ведь если бы кто-то вышел наполовину, он бы до смерти перепугал целого человека.

Юноша едва не отдал Богу душу и умоляющим голосом пролепетал:

— Позвольте узнать, чья же вы будете, барышня? Как ваше благородное имя?

Девочка с усмешкой спросила:

— Так тебе больше не нужны дорожные деньги?

Юноша затряс головой, как китайским бубном.

— А сокровища больше не хочешь?

Юноша отчаянно замахал руками.

— Какая жалость!

Юноша остолбенел.

А девочка всё не унималась:

— Я вообще-то собиралась отвезти тебя в одно потрясающее место — домой к себе. А раз дорожные деньги у меня кончились, я все равно собиралась возвращаться. Но раз ты, судя по всему, не хочешь, а я никогда никого не заставляю против воли... Что ж, придется мне скрепя сердце временно оставить тебя здесь. Ну, я тогда пойду, большой братец!

— Возможно, мы еще увидимся! — бросив на прощание сладкую улыбку, она, легкая, как распускающийся летний лотос в своем светло-зеленом платье, побежала прочь.

Следом за ней двадцать телохранителей нырнули в чащу леса и в одно мгновение растворились без следа.

Юноша так и остался стоять в растерянности.

Еще увидимся? Лучше бы не надо...

Как же тоскливо было на душе у бедного юноши...

Закат постепенно угасал, и полная луна выползла на небосвод.

На отвесной скале высотой в милю медленно проступило семицветное сияние. Пронзив половину леса, оно осветило всю горную вершину так, что та казалась одновременно невероятно красивой и зловещей.

Поместье Цаньтянь тихо притаилось на склоне горы. Окутанное переливами семицветного света, оно походило на зеркало, висящее посреди небесного свода — призрачное и потустороннее.

Юноша наконец добрался до самого конца тропы, и перед его глазами во всей красе предстало сияние Поместья Цаньтянь.

<http://bllate.org/book/21826/2260524>